

2004 г.

Саша, девочка тринадцати лет, и ее мама Вера сидели у кабинета психолога, дожидаясь своего часа приема. Коридор офисного здания в вечернее время опустел, и происходящее напоминало Саше черно-белый фильм нуар: давящие стены, холодная атмосфера разочарования и недоверия. К себе, к окружению, ко всему... Вместе с тем, это было словно не наяву. «До чего же я докатилась?», – мрачно думала она, тоскливо глядя на дверь кабинета перед собой.

Саша всегда отличалась от других детей закрытостью и сообразительностью. Поздно заговорив, она начала сразу выдавать мудрые не по годам предложения и легко запоминала стихи. Девочка занялась творчеством, выдумывая новые миры и представляя в них себя смелой и независимой героиней. Сочинять истории Саша начала еще до того, как научилась писать. Играла куклами, как актерами в театре, продумывая для них реплики и сюжет.

Всё это не мешало ей в жизни до поры до времени и не бросалось другим в глаза. У Саши были подруги, она была примерной и послушной ученицей, держалась в твердых «хорошистках». Реальный мир раньше казался ей волшебным и добрым, как в ее сказках. Молчаливой она была в папу, но вскоре сверстники и некоторые взрослые начали говорить Саше, что она «странная», и этого объяснения стало недостаточно. Девочка не могла унять воображение и между уроками нередко «выпадала» из реальности, сама того не замечая. Всё чаще слышала от детей в свой адрес «чудна'я», наблюдала в глазах родных вопросы и подозрения, и быть не такой, как все, перестало нравиться Саше. Из-за страха превратиться в изгоя, из-за переживаний, нормальная ли она, девочка сильно нервничала и училась прятать свои эмоции под маской безразличия и презрения. Но страх никуда не ушел.

Больше всего она боялась, что и вправду ненормальная.

– Может, тебе не писать пока рассказы? – предложила мама в коридоре.

Она пожала плечами: творчество было частью ее жизни. Саша не представляла, как можно «отключить» творчество. А что останется? Пустая реальность?..

– Они мешают учебе.

Саша промолчала: ей ничто не мешало в учебе. Она устала на

свои ботинки, покрытые серой застывшей грязью.

– Влияют на психику... Ты как будто не здесь. Всегда.

Саша бессильно злилась – она знала это и ничего не могла поделать. И никто не сможет, никакой психолог...

Ее мама Вера была человеком, который не даст себя и близких в обиду, а если нужно, то и сквозь стены пройдет, но своего добьется. Практичная, инициативная, общительная женщина удивлялась, почему обе ее дочери характером пошли не в нее. Умницы, красавицы, но молчаливы, особенно младшая Саша. Старшая девочка уже покинула родительское гнездо, с успехом поступила в вуз и все-таки не замыкалась от людей, как сестра или папа. Пышущая энергией Вера устала от пассивного мужа, который ворчал по поводу и без, запрещал приводить гостей и ревновал, если она куда-то ходила без него. С отъездом старшей дочери мама и папа развелись. Дети не были против, он давно не проводил с ними много времени. Когда-то они ходили в лесные походы, ночевали в палатках, но в последние годы папа либо лежал у телевизора, либо торчал у себя в гараже.

Саша много думала о сходстве их с папой характеров. И ей не нравились эти черты – застенчивости, малоэмоциональности, тревожности. Ей хотелось быть легкой на подъем, как мама, которая советовала «бороться с собой». Но этот совет не давал ничего, кроме ненависти к себе. Саша надеялась, что однажды страхи сами пройдут, и она станет, как все.

В семье почти не обсуждали ее странности, трудности в общении, благодаря чему поддерживалась иллюзия благополучия. Но, когда они остались с мамой вдвоем, иллюзия рассыпалась. Стоило Вере предложить Саше сходить к психологу, как дочь согласилась, не уточняя, зачем – им обоим это было ясно без слов.

Иногда Саше нравилось быть другой, она ощущала себя особенной и умнее ровесников. Пока мальчики бегали во дворах и играли в «войнушку», девочки наряжали кукол и мечтали о принцах, она рассуждала о жизни и смерти, о Боге, о том, почему распалась Римская империя, сочувствовала крепостным на Руси. Зачитывалась Чеховым и Есениным и считала, что большая часть ее одноклассников (гимназистов, кстати) – сплошные недоросли. Мечтала открыть приют для животных и занималась музыкой. И уж совершенно точно никто не писал сочинений лучше нее. Но все это не прибавляло ей друзей, а вопросы «почему ты так странно смотришь?» не делали Сашу увереннее. Школьные успехи и чувство превосходства не позволяли ей быть счастливой.

Перед встречей с психологом Саша храбрилась и думала, что будет интересно, разгадает ли её специалист. Но весь азарт исчез, когда худая

женщина, наконец, пригласила её войти. Саша привычно оглянулась на маму: но нет, здесь придётся отвечать самой.

Отвечать у доски она могла уверенно, так как знала, что говорить, чего от нее ждут. В незнакомом кабинете девочка закусила губу и тербила пальцы с черным лаком на ногтях, уставившись в пол. Некрасивый красный ковер казался более занимательным, чем смотреть в глаза психологу.

– Расскажешь о семье?

Саша не отвечала. Порой она применяла такую тактику: если промолчит – забудут о своем вопросе и уйдут. Но здесь это не пройдет.

– О маме.

От волнения у Саши взмокли ладони.

Психолог протянула ей заполнить бумажные тесты. Саша догадывалась, какие ответы – «норма», но все же постаралась отвечать честно. Но не настолько, чтобы загреметь в «психушку».

Что же дальше? Она боялась новых вопросов, но их не последовало. Психолог пригласила на её место маму, а Саше пришлось дожидаться в коридоре, холодном и мрачном.

У неё замерзли ладони, стало зябко. В любую погоду девочка куталась, несмотря на то, что у нее часто потели руки. Она накинула на плечи куртку и засмотрелась на трещины в шпаклевке унылых голубых стен.

Саша услышала стук, затем увидела в конце коридора девочку в инвалидной коляске. Она самостоятельно управлялась креслом. Саша отвернулась – она жалела инвалидов, в самом деле особенных людей, но не знала, как себя с ними вести. Надеялась, что девочка не к этому кабинету и не обратит на нее внимания. Но она подкатилась и остановилась возле Саши.

– Привет, ты туда?

Саша посмотрела на нее оценивающе. На вид ей было лет десять, и не ответить ребенку с добрыми глазами было бы неправильно.

– Нет, жду.

– А-а. Я уже в третий раз иду. Лиза, – представилась она и протянула руку.

Как магически на нас действуют рукопожатие и имена – Саша отмерла и назвала свое имя, неловко пожимая худую ладошку.

– Они думают, я в унынии, – она произнесла последнее слово по слогам. – А чего мне унывать?

Саша повела плечом: а что на это возразить?

– Ты... давно такая? Что... случилось?

– Авария год назад. Я знаю, что больше не встану, – Лиза говорила

легко и непринужденно. – А если встану, то чудом. Ну и что? Я же могу учиться, рисовать, дышать.

Саша подивилась оптимизму Лизы, и собственные проблемы чуть отошли в сторону.

– Тебе не страшно?

– Мне уже нечего бояться, – просто улыбнулась Лиза.

Из кабинета доносились голоса. Саша нервно вскинула голову.

– Подслушай, – подсказала ей Лиза.

Саша не нарушала правил, но идея была своевременной – неизвестность ее добивала. И Саша припала к двери.

– Да, это определенно не шизофрения, как я сначала подумала, – вещала психолог, – и не аутизм. Во всяком случае, для постановки точного диагноза требуется другая диагностика, но я не думаю, что это нужно. Тестовые показатели в норме.

– Так что с ней?

– Повышенная тревожность, ярко выраженная интроверсия – это есть. Больше внимания, меньше давления.

Саша отпрянула от двери. Выдохнула: неужто она не ненормальная? Обернулась на Лизу, та помахала ей шарфиком насыщенного зеленого цвета. Саша облегченно улыбнулась.

Вышла мама, встревоженная больше, чем обычно. При виде дочери она выпрямилась и вернула себе былую уверенность. Они взялись под руки и ушли, оставив грязно-белое здание позади. Саша решила, что когда-нибудь напишет о своем походе к психологу, а ещё лучше – историю о девочке Лизе, которая победила страх.

ВАТРУШКИ

Рассказ

2019 г.

I want to break free¹, – раздавалось в динамиках Васиных наушников. Настроение было ни к черту. Раньше этой песни хватало, чтобы взбодриться и вдохновиться. Но то, что он узнал, не укладывалось в голове и не было простой мелочью. Вася отказывался об этом думать и надеялся, что любимая музыка заглушит тревогу (хотя бы на время) и станет подспорьем в работе – он вымешивал тесто для будущего хлеба.

Вот уже год двадцатисемилетний Вася трудился помощником пекаря, и это занятие очень ему нравилось. Они с дядей Пашей работали на

кухне маленькой пекарни вдвоем.

Сегодня ни любимое дело, ни вдохновляющая музыка не спасали Васю – всё шло наперекосяк. Он забыл смазать яичным кляром и добавить начинку в ватрушку – свою любимую выпечку, положил ее к другим на противень и поднес к печи.

– Васька! – дядя Паша вовремя остановил его. Забрал изделие, чтобы доделать самому.

Упитанный, усатый дядя Паша был добрейшим человеком и превосходным кондитером. Он бы мог и самые сложные многоярусные торты создавать, но приходилось ограничиваться хлебом, да небольшим разнообразием выпечки вроде ватрушек – спрос рождал предложение.

– Что-то ты рассеянный сегодня, – заметил пекарь, доделывая изделие и убирая противень в печь.

Вася выключил музыку, убрав наушники в карман формы. Сам он был средней комплекции, но рядом с дядей Пашей выглядел тощим. Тощим и будто унылым, потому как улыбался нечасто, однако пессимистом себя не считал.

– Я покурю, дядь Паш.

– Курение убивает.

От этой фразы Вася вздрогнул, хотя раньше воспринимал ее равнодушно. Он стянул перчатки и фартук, в которых готовил, и пошел через подсобку во двор.

На улице стояла летняя жара, и даже в кителе с коротким рукавом было душно. Вася встал в тень, закурил, мрачно поглядывая на свежую единственную татуировку на своем предплечье. Змейка уже не так его радовала и не казалась блестящей идеей. Зачем она теперь? Кому и для чего ею хвастаться?

Вася прокручивал в голове утренний визит к врачу и ожидание в очереди с чувством, как перед расстрелом. Сигарета подрагивала в пальцах. Неужели правда?.. Неужели он болен этим?.. Разве так бывает с молодыми и, в целом, здоровыми людьми? Максимум, чем болеет физически крепкий юноша, – это насморк, разве нет? И как это произошло, если он соблюдал все меры предосторожности? Неужели больше ничего не будет, как раньше? Неужели это всё?..

Куча вопросов вертелась в голове у Васи. Они терзали его и мешали работе. Несмотря на это, он не спешил искать ответы и, напротив, предпочел их не замечать. Помощник вернулся на кухню, дядя Паша внимательно смотрел на него. Вася надел фартук, взялся за перчатки, угрюмо пялясь в мозаичный пол.

– Вась, что случилось?

- Дай тесто, дядь Паш. Я доделаю правильно.
- Ты не заболел? – участливо продолжил пекарь.
- Со мной всё отлично, – он и хотел ответить вежливо, но голос сорвался.
- Может, тебе после вчерашних анализов плохо?
- Я не болен!
- Ступай, отдохни, Вася, – миролюбиво сказал дядя Паша. – Погуляй где-нибудь у воды, если и не болен – свежий воздух тебе не помешает.
- Извини, – пробубнил Вася, снимая фартук обратно. – Справишься один?
- Куда ж я денусь, – по-доброму усмехнулся пекарь. – У нас тут круговорот из хлеба и теста, ничего непредсказуемого не произойдет.
- Я, наверное, просто устал.
- Конечно, не каждый же день донором становишься. Это ответственное и взрослое решение. Молодец, что пошел.
- Я пока только анализы сдал, – вяло напомнил Вася.
- Это уже полдела! – дядя Паша похлопал его плечу и вернулся к работе. Вася переоделся в подсобке и ушел.

Оля

В любой другой день Вася бы обрадовался дополнительному выходному, пошел бы с друзьями на набережную под крики чаек и шумы волн попить пивка, но сейчас не хотелось ни алкоголя, ни встречи с кем-либо. Он решил последовать совету дяди Паши и отправился в парк. Попутно до него дозвонилась Оля – его девушка, и Вася, все еще пребывавая в прострации, не нашелся, как ей отказать в прогулке.

Он выбрал парк развлечений, небольшой, но шумный. Вася не любил таких мест, а сейчас выбирал осознанно: среди галдящей ребятни, счастливых взрослых и звенящих аттракционов проще забыться.

Вася прошел в глубину парка, где был установлен памятник-скамейка безвременно ушедшим рок-музыкантам. Это бронзовая гитара с нотным станом и розами при ней – дань уважения любимцам публики. В раннем детстве Васька был очарован рок-звездами. Глядя на их выступления по телевидению, он тоже представлял себя задающим барабанный ритм под беснующийся рёв толпы. Потом кулинария затмила грёзы, но любовь к музыке по-прежнему помогала ему творить. Он немного завидовал кумирам – эти парни были молоды и свободны, возможно, счастливы. «Живи ярко и умри молодым?», – в чем-то неплохой призыв... И запомнят

тебя молодым и красивым, и вреда много не успеешь причинить, и боль навсегда уйдет. Но если его известные ровесники перед смертью успели распробовать жизнь на вкус – и сладкий, и горький, – то о себе Вася такого не сказал бы. Первые шаги на работе мечты, посиделки с друзьями раз в месяц, туманное для него будущее с Олей... Чего он добился? Чем мог бы гордиться?.. Или даже стыдиться?

Он обернулся и посмотрел на колесо обозрения вдали, думая, что и его жизнь скоро совершит последний оборот.

Побродив среди аттракционов и ребятни, Вася совсем выдохся. Запестрело в глазах, и разболелась голова, поэтому он выбрал скамейку в тени поодаль от аттракционов.

Миловидная блондинка Оля была безупречна: коротенькое летнее платье в цветочек ей очень шло. Она припозднилась, но Вася ничего не заметил. Оля сама отыскала его, села рядом и начала болтать. Ее щебетание окутывало его разум, убаюкивая.

Стук барабанов и монотонное пение пробудили его. Звук нарастал, погружая Васю в самые страшные мысли. Ему живо представилась похоронная процессия где-нибудь в Индии, во время которой тело, завернутое в белое, с цветами, несли под пение и стенания к реке для сожжения.

И вот, они с Олей заметили приближающихся кришнаитов – славян, ряженных в пестрые индуистские костюмы, распевających хвалебные мантры Кришне. Они возносили руки ввысь, улыбались и кружились в своем вечном танце Сансары.

– Как красиво, – заметила Оля, провожая их восторженным взглядом.

– Моя мать помешалась на их этой... йоге, – хмуро сказал Вася в ответ.

– Йога – это полезно.

– А чем плоха гимнастика?

– Говоришь, как старый дед, – пошутила Оля, но Вася взвился.

– Взяли моду – воровать чужие традиции, не вникая в их суть и смысл.

– Мы все живем на одной планете, – возразила Оля, – поэтому и традиции могут смешиваться. Современный мир таков.

– Ага, и все люди братья. Очнись, сегодня они поют, а завтра выйдут с ружьями против твоей семьи.

– Это неправда.

– Ладно, не кришнаиты. А, допустим, кавказцы. Или таджики. Кистайцы. Да кто угодно, хоть наши же соседи славяне. Человеку нельзя доверять.

– Ты ведь не расист, Вась. Чего завелся-то?

Вася и правда одинаково нейтрально относился ко всем нациям. Глядя вслед беззаботно танцующим людям, он и не знал, почему сейчас взъелся на них. Возможно, из зависти: люди радовались солнцу, беззаботно танцевали. У него было жгучее ощущение, что весь мир обернулся против него.

– Человек человеку волк – вот, я к чему. Душно что-то... – Вася ощутил подкатывающуюся тошноту, оттягивая ворот футболки, – поехали домой.

Они снимали «однушку», платил за нее только Вася. Старая мебель конца прошлого века, старый же ремонт, и лишь одна стенка с новыми обоями – напротив компьютерного стола, где Оля записывала свои ролики для блога. Она и хотела бы все поменять в интерьере, но Вася зарабатывал недостаточно и распределял их «общий» доход более рационально – на самое необходимое.

По приходе Вася привычно отправился на кухню. Там ему было комфортно. Готовить под такт любимых ритмов сейчас, однако, не очень хотелось.

– Вась, посмотрим киношку? – крикнула ему из комнаты Оля. – Старое, трогательное «Достучаться до небес». Помнишь, нам понравилось?

– А повеселее ничего нет?

Меньше всего ему хотелось сейчас смотреть кино о надвигающейся на героев смерти.

Обычно в готовке у Васи было немало идей, но сейчас ничего на ум не шло. Дурацкая татуировка мозолила глаза. Это мешало сосредоточиться, и он силой воли заставил себя заняться делом. Взял овощи и хлеб для бутербродов. Привычные действия давались с трудом – руки дрожали, и Вася не мог ровно и быстро нарезать помидоры, весь испачкался в томатном соке. «Мне ж теперь и кулинарить запретят», – мрачно подумал он.

– Может, «Далласский клуб покупателей» пересмотрим? – раздалось из комнаты за стенкой. – Там мой любимый Джаред играет и твой гений Мэттью.

Услышав это, Вася случайно резанул по пальцу и выронил нож. Проступила кровь, смешавшись с помидорным соком. На шум пришла Оля, потянулась к порезу. Вася одернул руку.

– Дура, кровь!

– Но я...

– Подай бинт.

Девушка суетливо достала из шкафчика рядом аптечку и протянула бинт. Вася выхватил его, сам перевязал палец. Рана не была хоть сколь-нибудь серьезной, и он бы позволил Оле позаботиться о нем, но не сейчас.

– Только и делаешь, что глаза в экран пялишь, да ролики тупые снимаешь. Пользы от тебя ноль, – пробубнил Вася.

– Неправда! Я убираюсь. А в блоге помогаю сотням девочкам поверить в себя, – у Оли проступили слезы. – Ты же не был против!

Вася вдруг впервые задумался, что такая красавица из обеспеченной семьи делает рядом с ним, ничемным обывателем. Ни лицом, ни фигурой он не выделялся, связей не имел, денег – тем более, страсть между ними тоже прошла. Так почему? Этот вопрос, раньше никогда не возникший, завис и жужжал, как надоедливая муха.

– Поди папика себе ищешь, чтобы оплачивал тебе твои хотелки, ничего не требовал, не спрашивал. А я так, лишь бы был.

– Ну, Вася!

– Или уже нашла... Откуда айфон? – припомнилась ему недавняя обновка. И в его воспаленном мозгу всё сошло. – Ты мне изменяла? – он вцепился в ее плечи, забыв о порезе.

– Папа подарил, ты же знаешь! Почему ты кричишь? – у Оли проступили слезы.

– Изменяла мне? – повторил он, встряхнув ее.

– Нет! – она заплакала. – Отпусти!

Он отступил, почувствовав, как она трясется.

– Ты мне надоела. Уходи.

Оля была в шоке.

– Проваливай, ну, – у него уже не было сил на крик.

Она развернулась и ушла. Через несколько минут хлопнула входная дверь.

Вася думал, ему станет легче, и Оля действительно была ему обузой, но нет. От ее ухода, возможно, окончательного, Васе было плохо. Он не мог сказать, что любит ее, но привязанность и симпатия были. Приятно было видеть Олю рядом, и ничто не раздражало в ней. До сегодняшнего дня, когда она внезапно опротивела. Всё рушилось в его жизни. И он не мог это остановить.

Вася запустил неудавшимся бутербродом в стену, ударил вслед кулаком и обессиленно опустился на пол. Вспомнил, что Оля хотела выложить мозаику у раковины и даже набросок сделала, как бы это выглядело. Милый дельфинчик был не совсем к месту на кухне, но он был не против ее идеи – креативно, уютно... И чего он наорал, да взъелся из-за айфона?

Может, Оля и ни при чём в его бедах. Не факт, но... Человек не виновен, пока не доказано обратное. А он так с ней. С другой стороны, Оле лучше уйти сейчас. Ей же во благо. Чтобы не оказаться с ним рядом, когда «добрые» соседи решат распнуть его; когда градом польются оскорбления и полетят в него камни; когда друзья откажутся пожать руку.

У Васи ком застыл в горле: он не мог ни мыслить, ни чувствовать, тупо уставился перед собой. Как проста была его жизнь, и как плохо, что он этого не ценил. Думал, скучно как-то, однообразно: и карьера медленно продвигалась, и девушка будто бы не та. И как всё сложно стало теперь. Или, наоборот, проще некуда – заделаться затворником и тихо уйти.

По столу пошла вибрация. Вася поднял руку и нашарил свой простенький смартфон. Ответил, не глядя, – папа. Звал в гости, помочь собрать мебель.

Они с папой были не в ладах после их с мамой развода три года назад. Несмотря на то, что Вася уже был взрослым, он не хотел терять цельности родительской семьи. Он вырос в любви, и для него стало ударом предательство мамы, которая вышла замуж за другого. Сначала Вася не общался именно с ней, но это оказалось тяжело. В разводе виноваты оба, решил он, и переложил вину на папу. До сих пор Васины отношения с родителями были напряжены, а отчима он считал врагом.

В гости к папе Вася не ходил.

«Ты сегодня какой-то грустный. Что-то случилось?»

«Брось это, я не у тебя на приеме», – по иронии судьбы, Васин папа работал школьным психологом.

«Я волнуюсь за тебя. Да и нам пора бы наладить отношения... Помнишь, как мы любили рыбачить вместе? Может, сгоняем на речку, а? Покупаешься, развеешься».

«Ты выпил, что ли?» – Вася не мог понять папиного настроения.

«Нет, просто... Три года прошло, мы уже и с твоей мамой общаемся, а с тобой всё не клеится. Пришел бы сегодня, я ватрушки испек. Помнишь, как вы с мамой любили их печь?»

Васька помнил. С ватрушек и началась его любовь к кулинарии.

Мама стала проводником в мир кулинарии, а папа... папа был примером по жизни. Тот, с кем вместе рыбачили, неумело чинили Васькин первый велосипед, криво забили первый гвоздь, решали по ночам примеры по математике, в которой оба не разбирались. Папка мало чего умел делать по дому, он был тихим интеллигентом, но старался изо всех сил вырастить сына настоящим мужчиной. Худо-бедно ему удалось: Вася чуть не подался в механики, самостоятельно освоив необходимые навыки, но любовь к кулинарии победила. И любовь к маме – тоже.

«Вы общаетесь с мамой?» – для Васи это было сюрпризом.

«Ну, злиться на нее три года – перебор. Мы общаемся с мамой и... с ее новым мужем».

«Хм, мило. А что, вам с Семеном есть, что обсудить. Ты ему про способы манипуляции, он тебе – про золотых львов, – Васин отчим занимался сетевым маркетингом. – Впрочем, у вас одна женщина – а это точно сблизит».

«Не говори так о матери. Мы оба виноваты, Вась, и не надо злиться на меня».

Вася, все еще сидя на полу, понял, что больше и не злится на папу. Он оставался к нему холоден, но обида прошла. Сильные эмоции сейчас были ему недоступны. Хотелось лишь одного – прижаться к маминому плечу.

«Вась, ты там?»

«Да».

«Жизнь так устроена, сынок. Подумай насчет рыбалки, хорошо?»

«Хорошо».

Вася оставил этот вопрос до следующего раза, если тот наступит. Ему было необходимо рассказать, наконец, то важное, что с ним происходило, а папа пока не подходил для этой роли. И Васька направился к маме.

Мама

Мама энергично бегала по своей большой роскошной квартире, накрывая в гостиной на стол. Она обрадовалась приходу сына, но не давала ему и слова вставить, а лишь ловко подсовывала ему всё новые тарелки, стоило только пойти за ней на кухню. Вася проходил так из комнаты в комнату раза три, расставляя блюда на столе, и выдохся. Не физически, конечно.

– Мам, – позвал он ее, присев на диван. Мама, взмыленная, но бодрая, пронеслась мимо с шикарным блюдом из рыбы.

– Ох, как бы пригодился сейчас твой отменный пирог с черемухой, – проговорила она, – и почему я не попросила тебя о нем раньше? Скоро придут Семьины партнеры, всё должно быть идеально.

– Мам.

– Ему дают бронзового льва, представляешь? – продолжила она, оставшись в комнате, чтобы сервировать стол. – Он так много работает.

– Мам.

– Да-да, ты не любишь Сёму, называешь его аферистом. Я и сама так думала. Но сегодня особый день, не до споров. Неважно, чем он занимается, главное, что он меня любит, человек хороший. И тебя любит,

Вася, учебу твою оплачивал.

– Мам, я должен тебе сказать.

– Гости, сынок. Поговорим после. Можешь остаться, постелем в твоей бывшей спальне.

– Я умру молодым, мам, может даже скоро, – признался Вася и пустил слезу. Горькую и обидную, как в детстве, когда его ватрушки для мамы сгорели.

Мама оставила все приготовления, села к нему и прижала к себе.

Нежно-нежно.

– Что ты такое говоришь, милый? Ты проживешь долго, хороший мой, и станешь великим пекарем. Или кондитером.

– Нет, мам. С моим диагнозом долго не живут. И пекарем не становятся.

– Ты болен?

Весь день он не то, что вслух сказать, и в мыслях не допускал этого страшного слова.

– Я ходил сдавать донорскую кровь, у меня взяли предварительный анализ и выяснили... В общем, я ВИЧ-инфицирован.

Только произнеся это вслух, он ощутил, что не так оно и страшно, это слово. Страшнее – последствия. Но и это уже не особо волновало. У него был план: умереть молодым – это неплохо.

– О, Боже... – она побледнела. – Они не ошиблись?

– Нет, мам.

– Как же так вышло?

– Не знаю. Грешил на Олю, но она вряд ли виновата. Я мог заразиться, где угодно.

– Предупреди девочку, милый. Она не бросит тебя.

– Предупрежу. Но я ее сам бросил.

– Почему?

– Это не связано. Сейчас неважно, мам.

– С таким диагнозом тоже живут, милый, проходят терапию, заводят семья. Ты будешь счастливым, сколько бы тебе не было отмерено, слышишь? И не сдашься.

– Не знаю, мам, зачем.

– Как зачем? У тебя есть близкие, которые тебя любят. Руки-ноги целы, осталось голову вправить, – она серьезно посмотрела ему в глаза. Против ее энергии они с папой всегда сдавались.

– Не каждый примет меня таким. Меня заклюют.

– Не каждый. Но те, кто примут, и будут твоей поддержкой и опорой. А ты – им. Мы с твоим папой точно от тебя не откажемся. Ты не бу-

дешь одинок, если сам не надуришь. Ну, обещаешь мне бороться?

В дверь позвонили. Мама поднялась, не спуская глаз с сына. А он не знал, что ответить. Видя, что она разрывается между ним и гостями, Вася кивнул. Женщина поспешила открыть дверь. Вася переждал их появление на кухне, а потом покинул квартиру, оставшись незамеченным.

Здесь и сейчас он был не нужен.

Пекарь

Домой ехать Вася не хотел. Он не мог выносить всё это в одиночестве.

Мелькнула мысль о примирении с Олей, но, подумав еще, все же решил не мучать и оставить ее. Он разлюбил и бесчестно было эксплуатировать девушку, какой бы милой она ни была. Ноги привели Васю в пекарню.

Уже стемнело, и пекарь ушел домой. Васька порывлся в шкафах и нашел заначку – коньяк. Выпил, попытался слепить ватрушку, потом бросил эту затею, пошел в подсобку за фруктами, которые хранились там для торта на заказ. Запнулся на пороге, решив не зажигать свет, упал и не стал вставать. Устроившись на полу, среди коробок, с бутылочкой коньяка Вася приготовился к ночлегу.

Васю разбудил резкий поток солнечного света, направленный ему в глаза. Он сощурился, с трудом разлепляя глаза и фокусируясь. Перед ним стоял дядя Паша.

– Упс, извините, – стыдливо пробормотал Вася, заметив пустую бутылку и валяющиеся рядом помятые фрукты. Он хотел прибраться, но случайно надавил на порезанный палец.

– Всё в порядке, сынок, не суетись, – дядя Паша присел рядом на корточки и остановил Васины попытки что-либо исправить. Вася лишь сел поудобнее, мечтая попить и поесть. Пекарь, будто прочтя его мысли, протянул ему яблоко. Васька жадно набросился на него, хотя лежал на таких же, но сам не додумался перекусить.

– Дядь Паш, мне придется уйти из пекарни.

– Чего так?

– У меня... у меня ВИЧ, – ни к чему было юлить. – Прости, вчера узнал. Надо было сразу сознаться.

– Это ничего... – пекарь положил руку ему на плечо. – Это мы преодолеем. Из-за этого ты хочешь уйти?

– Я подумал, мне теперь нельзя... да и ты не захочешь быть рядом.

– Дело не в моем желании. Ты прав, есть свои нюансы, – дядя Паша сделал паузу. – Чего хочешь ты? Ты любишь свое дело?

– Не дави на больное, – помотал головой Вася. – Кому я такой нужен? Кто купит мой хлеб? – повисил он голос.

– Мой сын учил меня не сдаваться без борьбы, – голос пекаря дрогнул. – Ему было тридцать два, когда болезнь забрала его у меня.

– Блин, дядя Паш... – Вася знал эту историю, ему было жаль пекаря, но сейчас собственная боль возобладала, и слышать о чужой было трудно.

– Я говорил, что от онкологии, но он ушел от СПИДа. Узнав диагноз, кто-то сгорает сразу. По разным причинам: кто-то не хочет бороться, кому-то нет ради кого и чего, кто-то устал, кто-то стар и так далее. Но это не зависит от возраста и не всегда зависит от врачей. В твоём случае многое зависит от того, что у тебя тут, – дядя Паша постучал Васе по голове, – макаронны или мозги, – юный помощник чуть улыбнулся. – Найди в себе силы и цель и борись. Мой сын не ушел без борьбы, но у него было слишком мало шансов на безоговорочную победу – мы поздно узнали о диагнозе. Неужели твоя жизнь такая бесценная?

Перед Васиными глазами пронеслось, как они с папой в детстве катали колобки из теста и лепили ватрушки, чтобы порадовать маму. И как маленький Васька сжег свои ватрушки. Пахло горелым, малыш рыдал, будто это самое большое горе в его жизни, а папа, разгоняя дым, приговаривал «ничего, сынок, ничего».

Вася и не ожидал, но слезы наворачивались на глаза. Спрятал голову в коленях.

– Сейчас тебе кажется, что жизнь померкла, но потом, спустя время, твоя проблема станет каплей в море. В кипящем море радостей и горечей. Васька, – дядя Паша сгреб его в охапку своими большими руками, – ты же мой лучший помощник. Мы с тобой примем все меры, ты мне очень нужен.

– Я слышал, невозможно остаться в пекарне.

– Мы соблюдем все санитарные требования. Ты будешь регулярно проходить осмотр, а при любом порезе сообщать мне без промедлений. Я буду подсказывать тебе, как соблюдать осторожность – постепенно привыкнешь. Всякое будет, Вася, но ты научишься.

– Не хочу вас подвести, – Вася обнял наставника в ответ.

– Вот и не подводи, Васька. Нам с тобой еще столько лет тесто вдвоем месить.

Дядя Паша потрепал его по голове, и Васю отпустило. Вот, чьей поддержки ему не хватало.

Пекарь помог своему подмастерью подняться. Вася переодевался в маленькой комнатушке и засмотрелся на татуировку, сделанную пару

дней назад. Вася думал, с ней он будет казаться круче, весь из себя опасный, брутальный. Зашипит, если нужно, и проглотит. Но он не был таким никогда. А змея на его руке не обязана быть ядовитой, способна обернуться из коварной искустельницы в мудрую, вечно юную советчицу. Всё может измениться. Но только ли к худшему?

– У тебя татуировка? Не замечал, – обратил внимание и пекарь, как Вася вошел на кухню.

– Да, недавно сделал. По дешевке в подвальчике одном сделал... – в Васиной голове пронеслись строки о путях передачи ВИЧ из брошюрки, которой его наградили в больнице. – О, черт.

Вася завязал фартук и замер.

– Ладно, Васька, не грузись. Обработай руки, надевай перчатки и помогай.

Вася сделал, как он сказал, и встал к рабочему месту. Вот оно, его место. Включил на смартфоне радио. Снова пел бессмертный Фредди Меркьюри, на этот раз песню The Show Must Go On, и работа потихоньку пошла.

Пошел запах из печи, запах свежего хлеба – и на душе Васи потеплело.